

ОЧЕРТАНИЯ НООСФЕРЫ

ББК 60.021

И. В. Дмитриевская

НООСФЕРНЫЕ СМЫСЛЫ ВРЕМЕНИ

Рассматривается содержание понятия «ноосферное время», коррелирующее с понятиями «мифологическое время», «сакральное время». Методом системной герменевтики анализируются ноосферные смыслы времени в поэзии Юрия Левитанского.

Ключевые слова: ноосферное время, антропологическое время, мифологическое время, сакральное время, системная герменевтика.

The category content of «noospheric time» correlates with terms «mythological time», «sacral time». Noospheric senses of time in Yury Levitansky poetry are analyzed with the help of system hermeneutics.

Key words: noospheric time, anthropological time, mythological time, sacral time, system hermeneutics.

Я знаю: время растяжимо.
Оно зависит от того,
Какого рода содержимым
Вы наполняете его.

С. Я. Маршак

I

Жизнь человека протекает во времени. Каково это время? Что мы имеем в виду, когда говорим: «Катастрофически не хватает времени», «Не знаю, куда девать время», «Время — деньги» или «Делу — время, потехе — час» и т. п. Какое это время? Безусловно, оно не геологическое, не астрономическое, не физическое и даже не биологическое и историческое. Вероятно, эти виды времени присутствуют как составляющие в осмыслении человеческого времени, но не исчерпывают его содержания. В нашем понимании времени существует еще какой-то компонент, определяющий его специфику, делающий его сугубо человеческим, *личностным*. Это особый тип — *время антропологическое*. Если общее философское определение времени характеризует его как форму бытия материи и мышления, то антропологическое время своей субстанцией, носителем, имеет особого рода «вещь» — человека и человеческое сообщество.

Человек — существо конечное: физическое время его пребывания на Земле — прочерк между двумя датами — рождения и смерти. Этот прочерк заполняется массой событий и дел. Нужно вырасти, выучиться, найти свое призвание, работу, завести семью, детей, вырастить их, выучить, определить место в жизни, хорошо бы дождаться внуков и поставить их на ноги и т. д. «по кругу». А там, глядишь, старость и ... «Пройдемте...». Это и есть *жизнь*. Ее содержание не описывается временными категориями — секунды, минуты, часы, годы, столетия, эпохи и т. п.

© Дмитриевская И. В., 2012

2012. Вып. 2 (12). Философия •

Конечность жизни определяет внутреннее психологическое напряжение, рождает вопрос о содержании и смысле жизни: как лучше распорядиться временем? Можно заполнить жизнь плотно событиями интересными и полезными или ничего не делать, не суетиться, а лежать на диване как И. И. Обломов и мечтать о смысле жизни — все равно конец один. Вопрос о смысле жизни не резонерский. В молодости человек не ощущает конечности собственного бытия и потому не ставит этого вопроса по отношению к жизни вообще, а ставит временные цели и достигает их воплощения. В зрелом возрасте вопрос о смысле бытия, как правило, глубоко волнует. В инварианте он содержит мысль о том, что *конечное существование мыслящего человека должно иметь какое-то отношение к бесконечному и безусловному началу*, иначе — зачем жить? Зачем вся эта суета? Так же ставил вопрос о смысле жизни И. А. Гончаров устами своего героя И. И. Обломова: если самую маленькую, незаметную жизнь человека сравнить с существованием листочка дерева, то и она имеет отношение к вечности как большого, могучего дерева, дуба или секвойи. Здесь в содержании понятия «антропологическое время» возникает новый оттенок: *время, прожитое осмысленно*, со смыслом не только внутренним и внешним, но и *трансцендентальным*, в отношении к вечности.

В объеме «антропологического времени» содержится особый вид — ноосферное время. *Ноосферный смысл, на наш взгляд, идентичен смыслу жизни, имеющему отношение к безусловному началу*. Л. Н. Толстой писал о трех периодах жизни человека: первый он проживает для себя, вторую треть жизни — для людей, третью — для Бога. В исторической архаике время делится на мифологическое, сакральное, и эмпирическое, профанное [10, с. 252—253]. Мысль Л. Н. Толстого можно интерпретировать таким образом: первую и вторую треть жизни человек проживает с профанными земными целями и смыслами, последняя треть бытия наполнена сакральным смыслом, имеет отношение к вечности.

Но и профанная жизнь может быть наполнена сакральным содержанием, это периоды ноосферного времени в жизни человека¹.

---

¹ По В. И. Вернадскому, ноосфера — разумная оболочка Земли, созданная человеческой культурой — успехами науки, культуры, техники [1, 2]. По Тейяру де Шардену, ноосфера — божественная среда, в которой существует все живое, в том числе человек; божественная среда оживляет и одухотворяет даже космос [13, 14]. Мы определяем *ноосферу как системно организованное Всеобщее*. В ней роль концепта (системообразующего свойства) играет информация, в отличие от биосферы, где концепт — энергия; структура ноосферы — энергетическая (в биосфере — информационная); субстрат — особого типа «вещество» — человек, социум, техника (в биосфере субстрат — биологический). В системе ноосферы информация, энергия, вещество изменяют свою сущность. В ноосфере, в отличие от биосферы, информация несет функцию не только *сохранения целостности* системы как необходимого условия ее жизнеспособности, но и семантико-семиотическую, знаковую функцию. Энергия — особого рода созидательная целенаправленная энергия, «пассионарность», по Л. Гумилеву [3, 4]. «Вещество» — разумный человек и сообщества людей, обладающих коллективным разумом, плюс техника, вторая природа, в которой естественные законы механической, физической, химической, биологической форм движения реализуются на искусственном субстрате. Ноосферное время в истории Земли начинается в период перехода биосферы в ноосферу, когда все естественные земные процессы

Осмыслим проблему ноосферного времени в парадигме экзистенциализма и экзистенциальной ситуации. В нашем случае ноосферное время рассматривается как *живое, личностное время*. Объективное содержание ноосферного времени как аспекта семиогенеза, как хронотопа исторического времени — в работах [11, с. 298—301; 12]. Заметим, что тот и другой подходы к феномену ноосферного времени опираются на методологию системного анализа, что закономерно: там, где решается проблема целостности объекта или предмета знания, системный метод необходим.

Взаимосвязь бытия и времени, с экзистенциально-герменевтической точки зрения, глубоко рассматривает М. Хайдеггер [17, 18]. В этом плане интересна попытка *мыслить бытие без сущего* и *время без временного*. Вероятно, следует понимать это как изменение самой логики мышления: бытие и время рассматриваются не как «вещи», но как свойства и отношения. По Хайдеггеру, бытие и время обладают одним и тем же предикатом: о них известно, что они «есть», то есть они бытуют как «*присутствующее*», «присутствие не существует среди вещей» [18, с. 394]. Время определяет бытие только как присутствующее. Но и предикат «есть» кажется Хайдеггеру неоднозначным, потому что может представлять только один модус времени — настоящее. Поэтому философ вводит предикат «иметь место» как для бытия, так и для времени. По его мнению, этот предикат точнее определяет роль времени в выявлении сущности бытия. Дальнейшее рассуждение ведется феноменологически, описывая экзистенциальную ситуацию, в которой время выявляет сущность бытия. Согласно Хайдеггеру, сущность бытия скрыта от субъекта, бытие является «*потаенным*». Но оно способно обнаруживать «просвет», куда исследователь может войти с вопросом о сути собственного бытия или бытия мира или другого человека. Время обнаруживает этот «просвет», выводит бытие из потаенности, делает его «непотаенным». Оно же возвращает непотаенность в первоначальное состояние потаенности. Поэтому у времени три измерения: прошедшее, настоящее и будущее. В настоящем бытие — в качестве «присутствующего», здесь оно непотаенно (οντι). Что касается прошлого и будущего, то здесь нет «просвета», и бытие не есть «присутствующее» (μῆρον). *Выведение бытия из потаенности в открытость* Хайдеггер называет — «*Место*». Бытие, обладающее Местом, делает потаенное присутствующим. Бытие, не имеющее Места, теряющее его, опять возвращается из непотаенности в потаенность. Таким образом, Место — четвертое измерение *собственно времени*. Основная функция времени — развитие бытия из потаенности в непотаенность и обратно. Такую интерпретацию времени Хайдеггер находит у греков, в частности у Парменида: «впускание присутствия» названо временем. Что такое настоящее? — Открывание потаенного. Что такое прошлое? — Скрывание непотаенного. Что такое будущее? — Потаенное, которое, возможно, станет непотаенным. Одновременно проясняется смысл «присутствующего»: с открытием непотаенности приходит «присутствие», обретение Места, пространственной характеристики бытия. Время — способ заполнения «просвета в бытии» — от прошлого к настоящему и будущему: время не только обнаруживает «просвет», но и

в принципе могут контролироваться человеческим разумом, так же как и технические достижения, и не могут использоваться во вред природе и человеку (подробнее см.: [6, 15, 16]).

удерживает его, «длит», устанавливая связь между прошлым и настоящим, настоящим и будущим, прошлым и будущим. Во времени существует «событие». И это значит, что какие-то проявления бытия «касаются» человека, «соприкасаются» с ним и, тем самым, «сбываются».

На наш взгляд, характеристика связи времени и бытия, данная М. Хайдеггером, точно описывает ситуацию, когда время *проходит «сквозь» жизнь*, высвечивая ее закон, *конструируя «судьбу» и личность*. Эта характеристика в наибольшей степени присуща *ноосферному времени*.

Восстановление утраченной и построение жизнеспособной целостности путем введения новых системообразующих свойств и отношений предполагает решение *проблемы идентификации личности во времени*. Пребывая в пограничной ситуации, человек «ни с чем не может себя отождествить» — ни с прежним собой, ни с другими, ни с прежде любимыми делами и увлечениями. Внешние, внутренние, трансцендентальные смыслы бытия исчезают. В этой ситуации для осуществления самоидентификации, как правило, отыскивается определенный *вектор времени*, в котором человек ощущал себя целостным и жизнеспособным — детство, юность, зрелый возраст, даже старость или смерть. Содержание этих периодов весьма разнообразно: скажем, в детстве ощущение гармонии с миром и целостности бытия дает чувство защиты, возникающее при воспоминании о доме, о любви родителей; в юности — воспоминание о студенческих годах; в зрелом возрасте — об успехах в делах, о любви к семье и детям; в старости — осознание мудрости, даже смерть воспринимается не как необратимый конец существования, а как переход к новому качеству жизни, жизни вечной. Не случайно в последние годы жизни многие люди становятся искренне верующими. Все эти способы самоидентификации основаны на диалектическом взаимодействии измерений времени: прошлое в настоящем, будущее в прошедшем, настоящее в будущем

и

т. п.

В структурном инварианте здесь — определение отношения смысла собственной жизни к безусловному началу, стремление к воскресению души, к обретению внутреннего психологического стержня, «Бога живого человека» (А. П. Чехов). Духовное содержание личности — это то, что делает человека самим собой. Самоидентификация в пограничной ситуации происходит в ноосферном времени.

Итак, главная функция ноосферного времени — «склейка» разных модусов времени при «распаде связи времен», продление «просвета» в бытии для понимания его сущности. Но, как видим, «просвет» может иметь не только креативный, но и глубоко трагический смысл. Экзистенция человека предполагает две эссенциальные ипостаси — «путь жизни» и «путь смерти». Первый — путь познания и понимания себя, других людей, мира. Это путь созидания креативной целостной личности. Это «просвет», выход бытия из потаенности в непотаенность. Второй — «дыра в бытии», разрушение целостности, уход из открытости в неконструктивную замкнутость, в полную метафизическую смерть. Если первый путь связан с реализацией потенции ноосферного времени, то во втором случае время *неноосферно*. Именно здесь возникает проблема идентификации.

Итак:

1. Ноосферное время — вид антропологического времени; в нем определяется отношение содержания жизни человека к безусловному началу.

2. Чаще всего ноосферное время проявляется в пограничной ситуации («распалась связь времен»), когда утрачивается психологическая целостность и жизнеспособность человека. Главная функция ноосферного времени — восстановление психологической целостности и жизнеспособности.

3. В герменевтическом отношении ноосферное время призвано обнаружить «просвет», в который человек, «по воле» самого бытия, входит с вопросом о сущности бытия и смысле жизни. Задача ноосферного времени — вывести бытие из потаенности в «просвет», непотаенность, обнаружить истинную сущность бытия.

4. Пребывание в ноосферном времени разрешает задачу *идентификации*; последняя может быть утрачена в пограничной ситуации, в период глубоких жизненных кризисов, на грани жизни и смерти. Психологическая идентичность восстанавливается правильным выбором «вектора» времени, в котором адекватно определяется содержание смысла жизни.

5. Общие черты ноосферного времени:

— Коммуникативно-информационный характер: ноосферное время выступает как средство хранения, производства и передачи информации от поколения к поколению, от культуры к культуре [5; 8].

— Ноосферное время герменевтично: оно формирует модели общения и понимания — *собственно понимающую и интерпретационную*. В нем невозможно взаимодействие культур, находящихся в разном астрономическом или историческом времени, понимание событий, относящихся к разным историческим эпохам. Собственно понимающая модель, применительно к восприятию прошлого, предполагает построение системы знания, в которой концептуально-структурный уровень задается системой ценностей той эпохи, которую мы стремимся познать; скажем, события эпохи Екатерины II оцениваются исходя из культурных, политических, экономических условий России XVIII века. Но можно рассматривать события той эпохи и оценивать их прогрессивное или реакционное влияние на развитие России с современной точки зрения — это интерпретационная модель понимания [8].

— Формой существования ноосферного времени является *ноосферный диалог* [7]. При концептуально-структурной общности менталитетов возможен конструктивный диалог поколений и культур, принадлежащих разному историческому времени. Ноосферное время рассматривается как время Встречи людей, поколений, культур, близких по духу и ментальности.

— Ноосферное время креативно, системно, жизнетворно, обладает высоким энергетическим потенциалом, осуществляет ноосферный закон [5].

II

Для выяснения ноосферных смыслов времени, явно или скрыто присутствующих в содержании и структуре текста, проведем системно-герменевтический анализ стихотворений Ю. Левитанского [9]. Обратим внимание на следующие характеристики ноосферного времени: способность проходить «сквозь» душу и жизнь человека; явно присутствующие векторы существования — путь жизни и путь смерти, что указывает на всецело антропологический характер ноосферного времени; диалектичность, смену концептуально-мировоззренческих установок; неперемное присутствие экзистенциальной ситуации; основные черты ноосферного времени — системность, жизнетвор-

ность, способность формировать целостность личности, креативность, воплощение ноосферного закона: информация генерирует энергию, энергия структурирует «вещество». Заметим, что в разрешении экзистенциальной ситуации важное значение имеет катарсис и последующее прозрение, понимание смысла жизни. Просматривается связь ноосферного времени с позитивным пониманием смысла жизни; взаимосвязь профанного, неноосферного, времени с сакральным его смыслом. Носитель ноосферного времени — ноосферный диалог [7], который, на наш взгляд, является необходимым условием конструктивного диалога поколений и культур. Всегда ли возможен такой диалог? С теоретико-системной точки зрения он возможен, если вступающие в диалог люди и сообщества обладают концептуально-структурной общностью тезаурусов, миропонимания, стиля мышления, эмоционально-психологического склада, содержания системы ценностей и деятельностных установок, главным образом нравственных. Каждый человек должен видеть в другом не врага, а друга, не средство, а цель, не объект потребления, а субъект бытия, живое существо, за здоровье и сохранение жизни которого он в ответе перед каждым другим человеком, человечеством и высшим законом бытия. Это путь *ноосферного человека*. В этом главный смысл и функция ноосферного времени: пребывающий в нем человек сначала осознает себя как целостную, креативную, жизнеспособную, жизнетворную личность, а затем и формирует себя таким.

Человек живет в двух типах времени: *внутреннем* и *внешнем*. Внешнее время связано с включением в природный или социальный контекст. Природный контекст — смена дня и ночи, времен года, климатических поясов и т. п.; социальный контекст — смена эпох, экономических и политических условий, культурных контекстов бытия, контекста мирного существования или социальных катаклизмов и т. п. Сохранение в своем мироощущении осознания «внутреннего» времени — впечатлений детства, юности, зрелости, воспоминания о времени любви, удач, ярких событий в жизни, ощущения счастья — все, что оставляет в памяти ощущение полноты и радости жизни или сожаление о бездарно потраченном времени, — это свидетельство присутствия периодов ноосферного времени в жизни человека. Напротив, если жизнь была благополучной, сытой, размеренной, однообразной, но не содержала творческого потенциала, если в конце ее человек не может вспомнить ничего хорошего и не очень сожалеет о ней, — такую жизнь ноосферное время не затронуло, не прошло «сквозь», а всецело осталось внешним физическим временем. Безусловно, внутренним временем отмечены этапы жизни — рождение, детство, юность, зрелость, старость и смерть. По существу, в каждом периоде есть сакральный смысл, который человек разгадывает, отвечая на вопрос о смысле жизни; в каждом из видов внутреннего времени содержится основание ноосферного времени. Но не всякое внутреннее время отмечено свойством ноосферности. Ноосферно лишь то время, располагаясь в котором *события образуют целостность*, сама личность формируется как целостность, яркая, жизнеспособная и жизнетворная, креативная, обладающая пассионарностью, выбирающая путь жизни, владеющая знанием и практическими навыками борьбы со злом, смертью.

Границы между разными видами понимания времени — ноосферным и неноосферным — подвижны: одно время может диалектически преобразоваться в другое; это зависит не столько от обстоятельств места и времени,

сколько от личностных качеств человека, его свободной воли в преодолении психологических кризисов, в борьбе со смертью.

Перейдем к анализу смыслов ноосферного времени в стихотворениях Ю. Левитанского.

* * *

Все сущее мечено временем.
А вот замечается вновь,
Что время рифмуется с бременем,
С любовью соседствует кровь.

Старинные связи не сломлены
И медленно сходят на нет —
Так прочно они обусловлены
Всем опытом прожитых лет.

Нам годы минувшие помнятся,
Не так наша память слаба.
А все же смотрите, как полнятся
Значением новым слова.

Иные уходят в предание,
Иные лишь стали верней.
Я в будущем вижу братание
Не схожих по виду корней.

Надежными узами связаны,
Сроднившись на все времена,
Там пальмы рифмуются с вязами,
С планетою нашей — луна.

И больше не кажется странностью,
То детям известно давно, —
Что время рифмуется с радостью,
Что людям созвучно добро.

* * *

Каждое утро
Ходит отец за хлебом.
В булочной рядом
Он покупает хлеб.

Он возвращается
С черным и белым хлебом
И режет торжественно
Черный и белый хлеб.

Сердится мама:
— Куда нам так много хлеба!
Вот и вчерашний даже
Не съели хлеб...

Но завтра опять берет он
Две булки хлеба
И режет старательно
Черный и белый хлеб.

Милые, полно,
Чего уж тут пререкаться!
Ведь между вами
Других разногласий нет.

...О, голодная память
Далеких эвакуаций,
Трудная память
Наших военных лет!

В первом стихотворении вначале даны неноосферные смыслы времени, закодированные в рифмах: «время — бремя», «любовь — кровь», — словно жизнь, отмеченная временем, осмысленная в нем, непременно толкает человека на путь смерти. Такое восприятие связано с телесной конечностью человека, запрограммированностью его жизни «внешними» обстоятельствами. Это мироощущение создает экзистенциальную ситуацию, которая требует разрешения через катарсис и смену мировосприятия. Поэт обращается к «внутренней» временной структуре — «детскости», вспоминает детское восприятие мира, яркость событий, их жизнеутверждающий пафос, доброе начало жизни, объединяющее людей. Уровень восприятия мира обыденным сознанием заменяется более высоким, ноосферным, и новые рифмы производят новые, ноосферные, смыслы времени: время рифмуется с радостью, людям созвучно добро.

С теоретико-системной точки зрения изменяется концептуально-структурный уровень миропонимания — путь смерти заменяется путем жизни. Изменение жизни во времени преобразует структуру самого времени: вначале время, «проходя сквозь жизнь», разрушает ее, потом, при смене мировоззрения, приобретает созидательный характер. Модель времени никак не совместима с физическими и математическими моделями линейного или многомерного, или циклического времени, свойственного неодухотворенной природе. Это и не многомерные модели пространства-времени. Само время — качественно понимаемая вещь, и модель — не количественно-математическое, а качественно-структурное описание. Это время «будущее в прошедшем»: конструктивный, житнетворный смысл жизни — в прошлом, в «детстве»; нужно осуществить «воспоминание души», восстановить детское мироощущение, тогда и восстановятся ноосферные смыслы времени.

Второе стихотворение ярче описывает экзистенциальную ситуацию, определившую мировоззрение героя — отца, и модель восприятия времени: «прошлое в настоящем». Каждое утро отец ходит за хлебом и покупает его, потому что семья наголодалась в войну. Мать сердится — ее память отказывается хранить зло, а отец помнит: экзистенциальная ситуация не пережита, катарсис не произошел, и отец покупает хлеб. *Хлеб — символ жизни*, потому что в реальных условиях голода — это необходимое условие выживания. Опять-таки смена картины мира в сознании человека, пережившего войну: ощущение «смерти» в концепте миропонимания еще не готово уступить место концепту «жизнь». Но... если в концепте — «хлеб», то, тем самым, *жизнь*; и, вероятно, скоро отец научится верить в жизнь и радоваться ей: если есть хлеб, то есть жизнь. «Хлеб наш насущный даждь нам днесь»: можно вести обычную, будничную жизнь, но она будет иметь сакральное содержание и длиться в ноосферном времени, если в ее концепте — уважение к хлебу. Хлеб выполняет функцию концептуально-структурной составляющей целостной, мирной, спокойной, трудовой, созидательной жизни. Пока существует хлеб, концепт и структура жизни — константы.

Время проходит «сквозь» жизнь человека, ставя перед смертью, заставляет «пережить» смерть, катарсис и воскресение, сакрализуя смысл жизни.

Смерть

Я давно знаю,
Что, когда умирают люди
И земля принимает
Их грешные тела,

Ничего не меняется в мире —
Другие люди
Продолжают вершить
Свои будничные дела.

Они так же завтракают.
Ссорятся. Обнимаются.
Идут за покупками.
Целуются на мостах.

В бане моются.
На собраниях маются.
Мир не рушится.
Все на своих местах.

И все-таки каждый раз
Я чувствую — рушится.
В короткий миг
Особой той тишины

Небо рушится.
Земля рушится.
И только не видно этого
Со стороны.

В стихотворении «Смерть» осмысливается экзистенциальная ситуация, связанная с пониманием неизбежности физической смерти. Сюжет: люди неизбежно умирают, их грешные тела предаются земле, но оставшиеся продолжают жить, делать будничные дела, вести себя так, будто ничего не случилось, ничего не меняется и мир не рушится. Поэт говорит, что в действительности в это мгновение мир меняется радикально, мир рушится необратимо, мир умершего человека исчезает безвозвратно. Экзистенциальная ситуация, связанная с физической смертью, кажется неразрешимой: воскресения не будет — путь смерти неизбежно завершает жизнь. Системологически это система — замкнутая, в концепте которой смерть. И продолжающаяся будничная, то есть физическая, жизнь других людей несет в себе тот же закон смерти. Физический конец человека означает его духовную смерть. Воскресение к новой жизни — «смертью смерть поправ» — поэт исключает. Это вариант *неноосферного времени*, и вопрос о принципиальной ноосферности жизни человека остается открытым. Его положительное решение напрямую связано с решением вопроса о сущности духовности и проблемой *идентификации духовной и личностной сущности человека во временных границах* — земной жизни и за ее пределами. В других стихотворениях Ю. Левитанского находим иное, неэсхатологическое решение проблемы. Если концепт и структура личности психологически, интеллектуально и нравственно сформировались при «земном» времени, то уходя в вечность, личность оставляет на Земле свое духовное наследие, которое используют, продолжают, развивают другие люди. Наблюдается преемственность концептуально-структурной компоненты духовного содержания личности, а это — основание преемственности поколений, преемственности культур.

Заметим, что в стихотворении «Смерть» — «распалась связь времен»: здесь нет ни прошлого в настоящем, ни будущего в настоящем, ни настоящего в будущем и т. п., существует лишь Ничто, пустота временная, пространственная, бытийная.

Элегия

Тихо. Сумерки. Бабье лето.
Четкий, чистый, щемящий звук,
Будто дерево рубят где-то.
Я засыпаю под этот звук.

Они идут, приминая травы.
Они топорами облечены.
Я знаю — они, дровосеки, правы.
Эти деревья обречены.

Сон происходит в минувшем веке.
Звук этот слышится век назад.
Ходят веселые дровосеки,
Рубят, рубят вишневый сад.

Но птица вскрикнула, ветка хрустнула,
И в медленном угасании дня
Что-то вдруг старомодно грустное,
Как дождь пронизывает меня.

У них особые на то виды.
Им смешны витающие в облаках.
Они аккуратны. Они деловиты.
У них подковки на сапогах.

Ну, полно, мне-то что быть в обиде.
Я посторонний. Я ни при чем.
Рубите вишневый сад! Рубите!
Он исторически обречен.

Вздор — сантименты. Они тут лишни.
А ну, еще разик! Еще разок!

...И снова снятся мне вишни, вишни,
Красный-красный вишневый сок.

В стихотворении «Элегия» — возвращение времени: прошлое в настоящем и будущем. Но это *возвращение смерти*, рубка вишневого сада — путь смерти, причем смерть переходит во времени, потому что она — концептуально-структурный аспект сущего. Позиция поэта иная, чем в стихотворении «Смерть»: он не согласен с перманентно действующей смертью, ее постоянным возвращением во времени. Вишневый сад — цветущий, плодоносящий — символ жизни, ее всюдности, целостности. Концептуально-структурно *жизнь духовна*. Она не может быть разрушена ни как способ бытия одного человека, ни как бытие человеческого сообщества. Преемственность смерти иллюзорна, связана с механическим, циклическим повторением одних и тех же процессов уничтожения жизни, которая кажется обреченной. Но жизнь побеждает, она — концепт и структура бытия: «И снова снятся мне вишни, вишни, красный-красный вишневый сок». Именно жизнь в концепте обуславливает связь времен, неизбежность существования прошлого в будущем и будущего в настоящем и прошедшем. Концептуально-структурно текст константен, субстратно открыт.

Обращает на себя внимание созвучность содержания стихотворения с современной социальной ситуацией в России. Все тяготы перестройки и перехода к капитализму фактически несет на себе интеллигенция, наиболее духовно сформированный слой общества. И как всегда она более всего уязвима, страдает от негативных последствий социальных потрясений. Они, русские интеллигенты, *уходят* из этого времени, как уходят любимые герои А. П. Чехова, все время говорящие «не то», но не поступающиеся моральными принципами. Герои «Вишневого сада» у Чехова уходят временно побежденными, но не сломленными: они вернутся в другом времени, победа духа — за ними. Проблема личностной идентификации как необходимого условия жизнеспособности человека решена положительно: аналогия между человеком, живущим в ноосферном времени, и умирающим, но непременно возрождающимся вишневым садом, возрождающимся, потому что в нем необходимость и потребность самого мира, Космоса, рождающего порядок по законам Духа, — это изоморфизм жизнеспособных, креативных, целостных систем.

Там, где существует экзистенциальная ситуация, есть и проблема идентификации, потому что человек «ищет себя». И находит в ноосферном времени, там, где земное профанное время пересекается с вечностью. Точка пересечения — в прошлом, где цветущий, плодоносящий вишневый сад. Структура времени, проходящего «сквозь» бытие, воскресает: модель — «прошлое в будущем».

И еще два стихотворения Юрия Левитанского, смыслы которых выражают суть ноосферного и неноосферного времени.

Как показать зиму

...но вот зима,
и чтобы ясно было,
что происходит действие зимой,
я покажу,
как женщина купила
на рынке елку
и несет домой,
и вздрагивает елочкино тело
у женщины над худеньким плечом.
Но женщина тут, впрочем,
ни при чем.
Здесь речь о елке.
В ней-то все и дело.
Итак,
я покажу сперва балкон,
где мы увидим елочку стоящей
как бы в преддверье
жизни настоящей,
всю в ожиданье близких перемен.
Затем я покажу ее в один
из вечеров
рождественской недели,
всю в блеске мишуры и канители,
как бы в полете всю,
и при свечах.
И наконец,
я покажу вам двор,
где мы увидим елочку лежащей
среди метели,
медленно кружащей
в глухом прямоугольнике двора.
Безлюдный двор
и елка на снегу
точней, чем календарь, нам обозначат,
что минул год,
что следующий начат.
Что за нелепой разной кутерьмой,
ах, боже мой,
как время пролетело.
Что день, хоть и длинней да холодней.
Что женщина...
Но речь тут не о ней.
Здесь речь о елке.
В ней-то все и дело.

В этом стихотворении выявляется символический смысл времени. Зима — метафора «пути смерти». Очень точно феноменологически описывается, как существует смерть: сначала она потаенная часть жизни, присутствует имплицитно на «празднике жизни», потом находит свой «просвет» в бытии и становится явной. Затем делает свое дело и опять уходит в потаенность. «Путь смерти» — время неноосферное, не созидательное, а разрушительное. В концепте здесь смерть абсолютная, метафизическая, смысл «смертью смерть поправ» отсутствует. Доминирует смысл: небытие, пустота — вечны, жизнь — флуктуация в этой вечности. Проводится аналогия между жизнью елки и человека. Поэт постоянно напоминает, что «женщина тут вовсе ни при чем, здесь речь о елке...». Именно это напоминание настраивает читателя на аналогию типа изоморфизма: речь фактически о жизни и смерти человека, проблема смысла жизни и смерти, рассказ о том, как взаимодействуют жизнь и смерть в коротком промежутке астрономического времени.

Сначала мы видим, как женщина готовится к празднику, встрече Нового года: она купила елку и несет ее домой. Елка срублена, фактически *убита*, но она, елка, «не понимает» этого, ощущает себя живой и тоже ждет праздника. Не понимает и женщина, что несет «на худеньком плече» смерть, убитое живое существо. Затем «умершая внутри» елка на балконе ожидает праздника. А женщина? Она тоже ожидает праздника, хотя, как и всякое живое существо, смертна и несет в себе смерть на протяжении всей жизни. И вот — «праздник жизни»: елка в мишуре и при свечах, видимо, и женщина отдается светлому чувству радости жизни, забыв о смерти внутри. Вот здесь, может быть, «просвет», в который врывается ноосферное время, созидательная струя жизни, непотаенность. А дальше все опять поглощается смертью, уходит в потаенность: холод, снег, неживая елка *лежит* на снегу во дворе. Год минул, начинается новый. Астрономическое время неумолимо и линейно движется вперед, может быть, к вечности, но эта вечность не жизнотворна, а однообразна и безлика как энтропия, и холодна как зима. Чуда не случилось: время не продлило жизнотворный «просвет», не установило «связи времен»; в «просвете», в конечном счете, оказалась не вечная жизнь, но вечная смерть. Время, выполняя все свои экзистенциальные функции, не становится временем жизни вечной, ноосферным временем. Вопрос о реальной возможности ноосферного времени в этом стихотворении остается открытым. Смысл стихотворения глубоко трагичен: время проходит «сквозь» жизнь — елочки и женщины, — но не воскрешает, а убивает, так как в концепте несет смерть.

И еще одно стихотворение Ю. Левитанского о смысле смерти. Оно более «оптимистично»: человека убивает не время, человек сам выбирает свой путь смерти. Здесь речь не о профанном, эмпирическом времени, а о сакральном, мифологическом.

Меж двух небес (начала и конца),
 Меж двух стихий (как в кресле брадобрея —
 Меж двух зеркал), стремительно старея,
 Живешь на этом тесном пяточке,
 В двух зеркалах бессчетно повторяясь
 И постепенно в них сходя на нет,
 Там, за чертой, за гранью дней и лет,
 Последним звуком нисходящей гаммы.

Две бронзы. Две латуни. Два стекла.
 Два тонких слоя ртутной амальгамы.
 Вот тайна и развязка этой драмы.
 Меж двух стихий (начала и конца),
 Меж двух страстей (как в кресле брадобрея —
 Меж двух зеркал)...
 Гораций и Катулл,
 Шекспир и Дант сидели в этом кресле.
 Они ушли. Они навек воскресли
 И в глубине зеркал остались жить.

Ну что ж, мой друг, приходит наше время.
 Эй, брадобрей, побрить и освежить!..
 И вдруг поймешь — ты жизнь успел прожить,
 И, задохнувшись (годы пролетели),
 Вдруг ощутишь, как твоего чела
 Легко коснулись вещие крыла
 Благословенной пушкинской метели...

Ну что ж, мой друг, двух жизней нам не жить,
 И есть восхода час и час захода.
 Но выбор есть
 И дивная свобода
 В том выборе, где голову сложить!

Здесь также действует время, проходящее «сквозь» жизнь. Человек осмысливает себя во времени как в пограничной ситуации: «меж двух небес, начала и конца, меж двух стихий...». Жизнь пролетает быстро, смерть — вечное небытие. Но время не всецело профанно, в нем есть отношение к вечности: Гораций, Катулл, Шекспир, Дант — «Они ушли. Они навек воскресли и в глубине зеркал остались жить». И опять — вопрос о смысле смерти. Поэта осеняет догадка: смысл смерти *в обретении свободы!* Это не абсолютная свобода в христианском смысле как воскресение к жизни вечной «смертью смерть поправ», а *свобода выбора* на пути смерти: «но выбор есть и дивная свобода в том выборе, где голову сложить». Вероятно, это высказывание следует понимать как выбор между смертью профанной — человека, обремененного болезнями и земными заботами, и смертью духовного человека, погибающего физически, но сохранившего в душе «Бога живого человека» и оставившего в сердцах других людей добрую память о себе. Время, проходя «сквозь» жизнь, одухотворяет ее, формирует целостную креативную личность, увеличивает «просвет», продлевает «присутствие личного бытия в его

Так выстраивается стрела *ноосферного времени*, первые подходы к анализу которого осуществляли П. Тейяр де Шарден (преджизнь — жизнь — разум) [9] и В. И. Вернадский (пространство и время в живой и неживой природе) [4]. Синергетика разума (на философском языке точнее было бы сказать «синергия разума») на настоящий момент в достаточно полной мере отвечает методологической сложности репрезентации конвульсий мирового ноосферного сознания.

Современный разум, перманентно находящийся в точке бифуркации, существует даже не в трех измерениях (крокодила, лошади и человека), а в значительно большем количестве трансграничных версий самоидентификации и самореализации. Современная ноосфера думает когитомодусами не только домашних животных, но и диких животных: выбрасывающиеся на берег киты в последнее время сменились увечащими людей акулами. Еще более суровы формы геологического мышления Геи (Д. Лавлока), ибо стихийные бедствия всегда лишь последствия колоссальных информационных подвижек биосферно-ноосферного развития. Мертвая когнитология современной техногенной цивилизации душит, судя по всему, не только живую природу, но и живого человека: все, кто не обслуживает современную техносферу, предстают как лишние люди, в сообществе техно-людей экологическая ниша ноосферных людей становится все незаметнее, человеческий разум все более вытесняется псевдоразумом компьютерных систем, имеющих свои значительные ограничения не только по когнитивному потенциалу, но и даже по когнитивным ресурсам. Конечно, техномыслящая ноосфера как этап субстанционального развития человеческого разума вполне закономерна и даже оправданна, но институциональная абсолютизация этой преходящей формы может оказаться чрезвычайно губительной.

На повестке дня — когнитивная человеческая революция, которая позволит преодолеть геоархетипы пресмыкающегося, все без разбору пожирающего крокодила и подневольно и неосмысленно работающей без обозначения цели лошади. Когнитивный взрыв не ограничивается лишь информационным взрывом, более того, думается, что они не столько друзья, сколько враги: неравновесность и негармоничность когнитивного универсума порождают диссонансность ноосферной реальности.

В течение долгого времени управленческие процессы в становящейся ноосфере носили субъектно-монархический, группо-олигархический или коллективно-классовый, т. е. заведомо когнитивно ограниченный, характер. Только в эпоху глобально-коммуникативного общества появляется возможность создания не анти- или псевдодемократических механизмов манипулирования социумом, но сетевой организованности когнитивного потенциала ноосферно-эволюционирующего человеческого сообщества с целью форсирования коэволюционных процессов взаимодействия общества и природы, биосферы и цивилизации.

Когнитивная синергетика — одна из важнейших предпосылок ноосферного развития в третьем тысячелетии [10]. Ноосферное человечество предстает в этом плане как единый и взаимосвязанный когнитивно-информационный и ноосферно-семиотический универсум, самосозидающий аттракторы и поисковые деятельностные формы предустановленной гармонии. Ноосферная монада как коллективно-соборное человечество — своеобразное следствие когнитивной пантомии, начинающей обозначать себя даже в столь несовершенных формах виртуальной (информационно-компьютерной) реальности.

Истоки проблемы ноосферной цефализации

Платоновская мудрость сохранила для современного человечества представления о Вселенной как Живом Космосе: Вселенная — организм, подобный организму человека, из этой мировоззренческой конструкции вырастает представление, которое в действительности отвечает биосферному видению мира: живое и неживое вещество вступают в сложнейшие соотношения между собой, организовывая тем самым не только планетарную, но и космопланетарную организмическую целостность. Таким образом, идея В. И. Вернадского о биосферности бытия и о процессе перехода биосферы в ноосферу [3], оказывается, имеет более широкое значение, чем могло бы показаться вначале, она весьма эвристична для понимания процессов, происходящих в становящемся глобальном человечестве.

Герметические принципы и цивилизационная цефализация

Принцип подобия, взятый из герметической философии, представляет собой самый убедительный пример выхода не только в формы верха и низа, но и в формы правого и левого, тем самым позволяет угадать форму бытия, невозможную (и не данную) для органов человеческого тела, именно *мозг оказывается главным чувствилищем вселенной*, выходя даже за пределы максимально возможного *сердечного чувствилища*, не говоря уже о традиционных 5 чувствах. Так принципиально переформатируется вся гносеология, построенная на традиционных подходах материально-физиологического взгляда на природу человека (которая в этом случае фактически исключает космическую модусность человека: космическая гносеология не выходит за рамки философии, она только неизмеримо расширяет гносеологическое пространство человеческого бытия). Современная наука подошла к тому времени, которое реально делает человека космическим гнозисом.

Вселенское чувство миробытия

Представление И. И. Лапшина о вселенском чувстве, присущем человеку, его отраженности в мировой литературе, дает возможность не только выйти на новый гносеологический уровень, но и обнаружить значимость экологии разума для выявления специфики «ноосферного перехода». Вселенское чувство человека позволяет понять космическую природу человеческого сознания, установить космопланетарные формы тождества абсолютного максимума и абсолютного минимума.

Философия универсального эволюционизма предполагает выстраивание процессов коэволюции в системе «Человек — Общество — Природа», взятой как максимально возможная, охватываемая наукой (и более широко — сознанием) целостность. Антропологическая досягаемость и достигаемость Вселенского бытия в значительной мере и определяет преодоление агностицистического парадокса («чем больше знаешь, тем больше не знаешь»). Критерий сознаниевого обозначения окружающей среды для каждого человека свой, и определяется он спецификой космогенетической, биогенетической, социогенетической и культурно-генетической наследственности.

Цефализация как духовная инициация

Примером гностической инициации может служить знаменитая картина М. Н. Нестерова «Видение отроку Варфоломею», в которой задается способ понимания как расширения окружающей среды: только выйдя за рамки старой — прежней, предшествующей — системы возникает возможность переосмыслить взглядом издалека прежний объем телесно-духовной погруженности в бытие. Именно так работает в антропологическом контексте теорема Геделя о неполноте. Выход из этого познавательного тупика обычно совершается через индукцию, аналогию (как своего рода расширенную индукцию, в которой вывод делается не из одного единичного суждения, а *через* или *посредством* схожести нескольких единичных суждений).

Истоки парадигмы цефализации

В индийской философской традиции сформировалось представление о том, что каждый человек есть своеобразные глаза и уши вселенной, вселенная чувствует саму себя посредством людей, которые неотрывны от ее организма. С философской точки зрения эта ситуация предполагает наличие проблемы постижения клеткой огромного организма самого этого организма. Даже нервная клетка не может обладать полной информацией об организме, такого рода полная информация о пребывании организма в среде обитания должна быть дана организму через мозг, который и является в этом случае системой большей, нежели сам организм как форма биологической субстратности. Весьма важно в этом плане и то, что в человеческом организме происходят экологические процессы взаимодействия (отношения) живого и неживого вещества. Однако полевые отношения в данном случае предстают в качестве важнейших, ибо они могут оказаться системообразующими.

Космос организма человека — 300 трлн клеток организма, 100 млрд нервных клеток, 15 млрд нейронов. Биосферный (ноосферный) космос — 15 млрд людей на планете Земля (по подсчетам С. П. Капицы, население Земли не должно превышать 11 млрд человек). Уже в этом контексте мозг человека, управляющий организмом, количественно подобен возможной человеческой структуре ноосферы. Проблема заключается в том, как выстраиваются отношения между людьми — есть ли похожесть между такого рода людскими коммуникативными взаимодействиями и взаимодействиями между нейронами в логике эволюции живого вещества.

Г. П. Аксёнов, анализируя труды Вернадского, посвященные процессам цефализации, напоминает: «Энцефалоз, или цефализация, — палеонтологический термин, который обозначает увеличение массы и повышение организации головного мозга организмов в процессе эволюции. Введен в науку американским геологом Дж. Дана (Dana) (1813—1895). Дана рассмотрел цефализацию на примере ракообразных и пришел к выводу, что головной мозг, в отличие от других органов, никогда с течением времени в ходе изменений организмов не деградировал, а постоянно прогрессировал. В. И. Вернадский возводит научное положение Дж. Дана в принцип и называет его в числе 20 важнейших эмпирических обобщений высшего ранга...» [1, с. 720].

Цефализация как процесс развития головного мозга многочисленных форм живого вещества, таким образом, есть процесс не просто биологический или биосферный — это процесс космический, ибо он представляет со-

Однако еще более репрезентативный вариант связан с тем, как структуры космоса проявляются в системе общественных отношений, в целом в моделях цивилизационного развития, которые могут быть названы цефализацией цивилизации. Представление о *космической социологии* может показаться несколько выходящим за рамки научного дискурса, но при этом следует иметь в виду, что начало утверждения этого направления в системе общественно-гуманитарного знания связано с работами русских космистов, в том числе А. Л. Чижевского, обнаружившего взаимосвязь космоса и человеческой цивилизации на уровне воздействия Солнца на планетарный биологический и мировой исторический процесс. В данном случае целесообразно обратить внимание на религиозный и мистический русский космизм. Для него целостность Вселенной космической и Вселенной земной не подлежит сомнению и представляет собой аксиому, из которой проистекают все последующие размышления. Вышеотмеченные моменты свидетельствуют о том, что для представлений о цефализации ноосферы (цивилизации) сложились не только философские, но и общенаучные теоретические предпосылки. Цефализация ноосферы в философском дискурсе предстает в контексте анализа структуры общественного (общечеловеческого, глобального, ноосферного) сознания, при этом структура сознания предполагает экспликацию типов, видов, уровней и сфер сознания.

Особенности всемирно-исторического процесса показывают, что процесс цефализации ноосферы проходил и проходит в рамках достаточно сложных как трансформационных, так и катастрофических обстоятельств.

Проанализируем некоторые из возможных сюжетов подобия цефализации в биологическом смысле и цефализации в социальном (ноосферном) смысле. На первый взгляд в этом случае мы находимся в рамках традиционного позитивистского подхода, ибо пытаемся перенести биологические закономерности на закономерности социального развития. Такой вариант эвристичен и продуктивен в силу многообразной эмпирической операциональности, но в той проблемной области, которая обозначена выше, необходима более сложная форма комплексности, чтобы получить новые репрезентативные результаты. Думается, что в этом случае требуется вся методологическая мощь русского космизма, чтобы нетривиальность такого рода подхода позволила установить корреляционную связь между развитием «живого вещества и интеллекта на планете Земля» [6].

Дву(поли)полушарность мозга ноосферы

История человечества показывает, что наиболее значимыми полушариями мозга ноосферы являются церковь (от организаций жрецов до современных тайных и явных конфессиональных форм) и университет (как форма светской организованности глобального знания в точках региональной презентации).

Церковь в истории человеческой цивилизации предстает в качестве одной из самых первых форм цивилизационно-институциональной цефализации. (Родовые формы социальной цефализации носили лакунный и фрагментарный характер; используя метафору П. Тейяра де Шардена, можно было бы сказать, что «щепки» сознания-разума еще могли стать основой костров человеческой мысли.) Процесс социальной цефализации интенсивно пошел именно с эпохи возникновения цивилизаций, именно тогда стали возникать

отношении к вечности». Это ноосферный смысл времени. Смерть неизбежна, но не означает конца бытия; возможно, она ступень на пути к новой форме жизни — не физической, а духовной.

И еще одно стихотворение — «Разговор у новогодней елки». Это стихотворение хорошо известно как песня. В нем — диалог двух танцующих у новогодней елки людей. *Диалог — ноосферный*, потому что текст реплик участников диалога постепенно конструирует новую реальность, которая и называется «жизнью». Зима, символ смерти, скоро пройдет: «недолговечна ее кабала и опала».

— Что же из этого следует? — Следует жить,
шить сарафаны и легкие платья из ситца.
— Вы полагаете, все это будет носиться?
— Я полагаю, что все это следует шить.

Время также «сквозное», но в его концепте — *жизнь*. И потому оно оживляет участников диалога, увеличивает «просвет» в бытии, продлевает «присутствие» жизни, дарит радость, делает людей счастливыми, восстанавливает связь времен, снимает напряжение экзистенциальной ситуации. И хотя ситуация земная, профанная, но сам праздник Нового года — сакральное действие, это праздник начала Космоса, который в древней философии считался живым и даже личностным, следовательно, знаменуемое этим праздником время — сакрально, ноосферно. И. Кант писал, что люди должны жить так, чтобы быть достойными счастья, и в этом выполнение нравственного закона. Но и сама жизнь — это дар судьбы: люди должны жить так, чтобы *быть достойными жизни...*

Библиографический список

1. Вернадский В. И. Размышления натуралиста : в 2 кн. М. : Наука, 1977. Кн. 2 : Научная мысль как планетарное явление. 368 с.
2. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М. : Наука, 1988. 520 с.
3. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л. : Гидрометеиздат, 1990. 528 с.
4. Гумилев Л. Н. Этносфера : история людей и история природы. М. : Экопрос, 1993. 544 с.
5. Дмитриевская И. В. Коммуникативное пространство ноосферы // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2010. Вып. 2. С. 9—25.
6. Дмитриевская И. В. Ноосфера как системно организованное Всеобщее // Ноосферная парадигма образования: от лица к университету. Иваново : Иван. гос. ун-т, 1997. С. 8—27.
7. Дмитриевская И. В. Ноосферный диалог — путь к созданию ноосферы // Ноосферные исследования. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2002. Вып. 2. С. 57—82.
8. Дмитриевская И. В. Человек в пространстве глобальных коммуникаций // Философская антропология и гуманизм / Владимир. пед. ун-т. Владимир, 2004. С. 220—251.
9. Левитанский Ю. Окно, горящее в ночи. М. : Эксмо, 2011. 320 с.
10. Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. М. : Сов. энцикл., 1980. Т. 1. 654 с.
11. Смирнов Д. Г. Семиософия ноосферного универсума. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2008. 372 с.
12. Смирнов Д. Г. Семиотико-антропологическое измерение ноосферной истории: ноосемиогенез в работах А. Н. Портнова // Неизреченное слово : памяти профессора А. Н. Портнова. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2012. С. 249—257.

13. *Тейяр де Шарден П.* Божественная среда. М. : Ренессанс, 1992. 312 с.
14. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М. : Наука, 1987. 240 с.
15. *Уемов А. И.* Системный подход и общая теория систем. М. : Мысль, 1978. 272 с.
16. *Уемов А. И., Сараева И. Н., Цофнас А. Ю.* Общая теория систем для гуманитариев. Варшава : Universitas Rediviva, 2001. 276 с.
17. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М. : Ad Marginem, 1997. 452 с.
18. *Хайдеггер М.* Время и бытие // Хайдеггер М. Время и бытие. М. : Республика, 1993. С. 391—407.

ББК 60.023

Г. С. Смирнов

ЦЕФАЛИЗАЦИЯ НООСФЕРЫ: ЭВОЛЮЦИЯ РАЗУМНОГО ВЕЩЕСТВА НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛИТИЙ

Показано, что применение принципа подобия позволяет представить проекцию процесса биологической цефализации в биосфере на формы социальной, государственной, технической и компьютерной цефализации ноосферы.

Ключевые слова: цефализация, вселенское чувство, эволюция мозга, синергия разума, цефализация ноосферы.

The article deals with phenomenon of cefalization of noosphere.

Key words: cefalization, sense of universe, evolution of brain, cinergy of mind, cefalization of noosphere.

Когнитивный универсум и ноосферная реальность

Специалисты в области когнитологии утверждают, что человек в своих познавательных возможностях предстает единым в трех лицах: как крокодил, как лошадь и как человек — в соответствии с историческими формами эволюции мозга. Аристотель рассматривал эту проблему в контексте более широко, его «универсальный эволюционизм» изображал душу в трех измерениях — душа растительная, душа животная, душа человеческая. История философии знает и еще более широкие модели растворения во вселенной отражательно-познавательных способностей: панпсихизм предполагает самоотражение Универсума, Вселенная выступает как самонаблюдатель и как самосозидатель по герметическому принципу подобия. В этом смысле эволюция разума Вселенной предстает как филогенез, а формация земного разума человечества как онтогенез. Естественно, что процесс онтогенеза земной ноосферы идет значительно быстрее, чем эволюция разума организма вселенной, течение беременности человеческого разума схоже с беременностью, порождающей человеческую телесность (в соответствии с законом Геккеля — Мюллера).

© Смирнов Г. С., 2012